

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ В РУССКОМ ПОЗИТИВИЗМЕ.

Н. И. КАРЕЕВ

В. Б. Колмаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2017 г.

Аннотация: *в статье анализируются взгляды русского историка Н. И. Кареева на ценность жизни. Автор исследует связь позитивизма с имманентным подходом в понимании ценности жизни, а также с либерализмом.*

Ключевые слова: *русский позитивизм, аксиология, ценность жизни, оптимизм, пессимизм, метафизика, прогресс.*

Abstract: *the article deals with the views of Russian historian N. Kareev on the value of life. The author examines the connection of positivism to immanent approach to understanding the value of life, but also to liberalism.*

Key words: *Russian positivism, axiology, value of life, optimism, pessimism, metaphysics, progress.*

История русского позитивизма не может считаться полной без рассмотрения взглядов выдающегося русского историка Николая Ивановича Кареева (1851–1931). Он был редким историком, потому что профессионально интересовался философией и социологией, тяготел к анализу фундаментальных проблем, в том числе и такой, как ценность жизни. Вплоть до взятия власти большевиками имя Н. И. Кареева было достаточно широко известно. Его знали не только профессиональные историки – особой популярностью он пользовался среди так называемой прогрессивной интеллигенции, склонявшейся в философском смысле к позитивизму, а в политическом – к либерализму.

Н. И. Кареев появился на свет в Москве 24 ноября 1850 г. в небогатой, но весьма родовитой дворянской семье. Основателем рода Кареевых считался татарин Едигей Карей (Корей), который выехал из Золотой Орды в XIII в. и крестился в Рязани [1, с. 128; 2, с. 10–33]. Детство будущего историка в основном прошло в старом родовом селе Муравишники, располагавшемся в Смоленской губернии, – этими землями владел дед Кареева со стороны матери, который участвовал в войне с Наполеоном. Отец Кареева также был военным, воевал в Крымскую войну, а затем служил городничим в Гжатске. Местом учебы будущего историка стала 1-я Московская гимназия, которая в середине 60-х гг. позапрошлого века по праву считалась одной из лучших казенных гимназий в первопрестольной. Здесь одноклассником Кареева стал будущий философ Владимир Соловьев, с которым он был дружен. В старших классах гимназии Н. И. Кареев попал под влияние комплекса «освободительных идей», ак-

тивно распространявшихся в русском обществе. Один из биографов историка отмечает, что заметное влияние на гимназиста оказали русские западники [3, с. 143–144.]. Уже в старших классах гимназии Н. И. Кареев отошел от веры в Бога. «Старые верования, – вспоминал он, – постепенно падали одно за другим, причем пройден также весь путь отрицания до самого конца» [4, с.108]. Эту черту, свойственную многим образованным русским людям, отмечал в свое время Л. Н. Толстой. В одной из работ он с горечью отмечал, что русские интеллигенты совершенно лишены религиозного сознания, о чем они горделиво заявляют всему миру [5, с. 224–225].

В 1869 г. Н. И. Кареев стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, который в 60-х – 70-х гг. XIX в. являлся одним из центров либеральной мысли. Именно здесь он сформировался как историк либерального направления и стал в дальнейшем выдающимся специалистом по истории Европы в Новое время. К этому следует добавить, что исторические работы Н. И. Кареева, среди которых особое место занимает семитомная «История Западной Европы в Новое время», отличает глубокий интерес к философской и социологической проблематике. Он стал создателем исторической социологии, или историологии – отрасли знания, которая «имеет своим предметом исторический процесс, взятый безотносительно к пространству и времени, а также вопросы исторической эпистемологии, рассмотренные с общесоциологической точки зрения» [6, с. 90]. После окончания университета в 1873 г. Н. И. Кареев несколько лет преподавал в 3-й Московской гимназии, а затем, сдав экзамены, приступил к написанию магистерской диссертации. Через год напряженного труда ему удалось получить академическую командировку в Париж, где он в архивах изучал документы времен Французской революции. В 1879 г. состоялась защита диссертации, после чего он мог претендовать на звание профессора. Но в Москве вакансий не имелось, и Н. И. Кареев уехал в Варшавский университет, где в течение 5 лет служил экстраординарным профессором¹, снискав уважение среди коллег и студентов, а также польской общественности.

Будучи в Варшаве, он не мог не уделить внимания польскому вопросу, который и по сей день остается одним из наиболее болезненных и едва ли решенных вопросов русской истории. Два варианта его решения были сформулированы еще XIX в. Первый заключался в том, чтобы даровать Польше свободу. Так, Н. Я. Данилевский полагал, что Россия владеет Польшей «к несчастью» и считал, что Александр I совершил в свое время ошибку, получив Царство Польское вместо Галиции [7, с. 35]. Этот подход был основан на том, что Польша – инородное тело, которое никогда не приживется в России. Второй вариант сводился к тому, чтобы удерживать Польшу как можно дольше в надежде интегрировать

---

¹ Экстраординарный профессор – профессор без должности, который не входил в состав Ученого совета факультета и получал меньшее жалованье по сравнению с ординарным профессором.

ее в имперский организм [8]. Последняя идея определялась мнением, согласно которому поляки не способны более жить самостоятельной государственной жизнью, поскольку мятежи 1830 и 1863 гг. навсегда погубили Польшу как государство, и все разговоры о ее самостоятельности смысла не имеют.

Ситуация осложнялась тем, что на территории Юго-западного (как и Северо-западного) края России происходила борьба двух имперских национальных «проектов» – русского и польского. Первый, пользуясь поддержкой государства и церкви, был нацелен на уменьшение польского влияния и предполагал интеграцию западных провинций в имперский организм, рассматривая малороссов и белорусов как часть большой русской нации. Польский проект, опираясь на культурное влияние шляхты и костела, стремился восстановить утраченный в результате разделов *status quo*. Для поляков «идеальной Родиной» была Речь Посполитая в границах 1772 г., куда входили земли с преобладанием восточнославянского населения (современная Белоруссия и правобережная Украина), которые в России считались своими [9, с. 41]. Как идеологи имперского проекта, так и его исследователи почти единодушно признают, что польское влияние всегда представляло фактор, который осложнял, если не препятствовал процессу органичного включения западных губерний в состав империи.

В либеральной мысли XIX в., начиная с А. И. Герцена, существовала тенденция сочувственного отношения к Польше. Ее разделял и Н. И. Кареев, поэтому симпатии его в большей степени склонялись на сторону Польши, нежели России, что нашло свое выражение в «Польских письмах», опубликованных в либеральном журнале «Русская мысль». Основной причиной отчуждения русских и поляков Кареев считал взаимное незнание друг друга. Он отмечал, что русские образованные слои слабо знакомы с Польшей, а поляки не хотят знакомиться с Россией. В этом смысле весьма характерен приведенный им пример. В 1884 г. в Варшаву приехала передвижная выставка русских картин, о которой польская пресса не написала ни строчки. Поляки проигнорировали русское искусство, так как относились к России как к иностранному государству [10, с. 44].

Обособлением Польши от России руководили польская шляхта и костел – тогдашняя польская элита, которая была настроена в целом к России отрицательно. Н. И. Кареев, вопреки очевидным фактам, в отчуждении упрекал русских консерваторов, под которыми подразумевал сторонников интеграции Польши, потому что они отождествляли шляхту и костел со всем населением Привислинского края [11, с. 329, 332]. Правда, он отмечал нежелание поляков критически относиться к своему прошлому, которое сформировало зависимость их государства от соседей. «Поляки, – писал он, – в своей историографии и публицистике вообще очень мало склонны относиться к себе объективно» [10, с. 33]. Какой же выход предлагал русский историк? Он исходил из того, что Польша должна остаться частью России, потому что в русской Польше созданы

предпочтительные условия для развития по сравнению с австрийской или немецкой Польшей [12, с. 55]. Ему казалось, что среди просвещенных поляков есть демократы, которые должны соединиться со «свободо-мыслящими россиянами» [11, с. 333], т. е. с русскими либералами, которые станут на позицию поляков, стремящихся к свободе. И, если поляки по-своему правы, пытаясь как угнетенные сохранить свою нацию, то русские могут «гораздо свободнее двигаться вперед, совершенно не заботясь о своем национальном существовании...» [13, с. 51]. Последняя позиция выражала очевидную беспочвенность части тогдашней русской элиты, которая хотела бы подарить полякам свободу, но не знала, как это сделать, не нарушая целостности империи и баланса политических интересов России, Германии и Австрии [14].

В 1884 г. Н. И. Кареев защитил докторскую диссертацию, вышедшую в виде книги «Основные вопросы философии истории». Философские интересы Н. И. Кареева замкнулись на позитивизме, ставшем первой и последней философской системой, которой он придерживался. Следует отдать ему должное – он не отказался от своих убеждений и в годы советской власти, сохранив их до конца. В старости Н. И. Кареев вспоминал, что еще в гимназии попал под влияние естественнонаучного позитивизма, а в студенческие годы наиболее сильное впечатление на него произвела книга Ф. Бюхнера «Сила и материя», выдержавшая в России несколько изданий. Именно от нее он перешел к идеям О. Конта и Г. Спенсера и стал сторонником англо-французского позитивизма [4, с. 106–107, 132]². В дальнейшем Кареев назвал тех мыслителей, что оказали воздействие на его взгляды: «60–70-е гг. – лично для меня годы юности, когда складывались основные идеи моего мирозерцания. Это Бокль, читаемый еще в гимназии, Дарвин, Милль, Льюис, Спенсер» [16, с. 15].

Воспринятый Н.И. Кареевым позитивизм был во многом искусственным явлением на русской философской ниве, что позволило В. В. Зеньковскому назвать его полупозитивизмом. Он сохранял, конечно, основное содержание матричной доктрины, но в то же время обладал чертами, присущими исключительно русскому позитивизму. Чувствуя несовместимость позитивизма с системой ценностей русской жизни, Н. И. Кареев стремился смягчить достаточно жесткую конструкцию усвоенной философии. В лекции «О духе русской науки», прочитанной в ноябре 1884 г. в Варшаве, историк говорил, что «русский позитивизм и оригинальнее, и шире доктрины западных приверженцев учения Огюста Конта» [17, с. 179]. Возможно, с этим был связан тот факт, что свою философскую позицию Н. И. Кареев избегал называть позитивизмом, скромно обозначая ее как «критическую философию» [18, с. 58]. В то же время он именовал ее реализмом, что в его понимании означало приверженность разуму и доступность научному познанию [19, с. 141].

---

² Он писал, что временем наибольшего влияния Конта в России следует считать конец 60-х и 70-е гг. XIX в. [15, с. 286].

В 1885 г. Н. И. Кареев приступил к работе в Санкт-Петербургском университете в качестве приват-доцента, и лишь в 1890 г. он был утвержден ординарным профессором. Либеральные взгляды профессора дали себя знать зимой 1899 г. во время всероссийской студенческой забастовки. Н. И. Кареев поддержал бунтующее студенчество и в результате был уволен приказом министра просвещения Н. П. Боголепова. Показательна его позиция, нашедшая отражение в сохранившемся личном деле: «Кареев был наиболее популярным среди молодежи именно за свое оппозиционное направление существующему тогда учебному режиму» [20, с. 72]. С 1902 по 1917 г. Н. И. Кареев служил профессором Политехнического института, где читал лекции по истории студентам-экономистам. Его взгляды, которые Б. Г. Сафронов метко назвал «радикальным либерализмом» [там же, с. 73], выдвинули его в число идеологов тогдашней интеллигенции. Хотя Н. И. Кареев был далек от практической политики, на волне общественного подъема 1905 г. он оказался в нее вовлечен. Исследователь творчества Н. И. Кареева В. А. Филимонов пишет: «Сформировавшиеся к рубежу веков политические взгляды Кареева опирались на понимание демократических свобод и прав личности в традиционном либеральном духе, что, в конце концов, привело его в партию кадетов, а затем сделало депутатом I Государственной Думы от этой партии» [21, с. 349]. Кроме того, он стал председателем Петербургского совета партии кадетов.

В Государственной Думе Н. И. Кареев выступал два раза. Его речь в дискуссии 3 мая 1906 г., когда обсуждался проект адреса, подготовленный группой либеральных депутатов по поводу искажения начал «Манифеста 17 октября 1905 г.», – классический пример либерального мышления. Ключевым в его речи стало понятие «достоинство», с упоминания которого он начал свое выступление. По его мнению, главная задача пребывания депутатов в Думе заключается в том, чтобы «защитить права и достоинство попранной человеческой личности» [22, с. 121]. Находясь в русле позитивизма, Н. И. Кареев понимал достоинство лишь в правовом смысле. Он полагал, что «принцип достоинства и прав человеческой личности» является определяющим принципом жизни человека, так как он основан на разуме [там же]. Поэтому имеющуюся на фронте России, как выразился Н. И. Кареев, надпись «самодержавие, православие, народность» следует заменить другой, взятой во Франции, – «свобода, равенство, братство». Основанием для подобного действия он считал подавление и унижение личности в России «повсеместно и во все времена». Столь резкая оценка имела мало общего с исторической наукой, которую он представлял как ученый.

Содержание понятия «достоинство» Н. И. Кареев представлял неоднозначно, изменяя его в зависимости от контекста или исторической ситуации. В «Мыслях об основах нравственности» он отождествлял достоинство то с правами человека [23, с. 81], то с идеалом человека, обладающего правами [там же, с. 91]. Он утверждал, что достоинство выражается в наличии прав, питающих индивидуализм. Именно в этом

эгоистическом начале коренится достоинство человека [там же, с. 153–155]. Следование долгу в таком случае для Н. И. Кареева означало поступать сообразно с достоинством [там же, с. 92]. Акцент на достоинстве вытекал из идеи нравственного прогресса, который выражался во все более глубоком понимании достоинства человека [24, с. 209]. В целом достоинство он объяснял как явление, данное человеку природой, что напоминало теорию естественного права. Иными словами, его понимание достоинства в конечном счете приводило его к негативному отношению к государству.

Взгляды Н. И. Кареева были весьма типичными для своего времени – неприятие политики государства он перенес на Россию. Приведя евангельское изречение «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк, 2, 27), Кареев заявил, что «все эти субботы соединились в одну громадную субботу, которая называется Россией» [22, с. 121]. Выразив в целом негативное отношение к России, Н. И. Кареев высказался по национальному вопросу, предложив убрать из текста обращения слова «русская земля» и «русский народ» [22, с. 123], потому что, по его мнению, в России в жертву русской народности «приносились интересы всех других национальностей» [там же, с. 121]. Квинтэссенция его речи сводилась к тому, что «Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу национального самоопределения» [там же, с. 122]³. Фактически он предлагал действия, на которые пошло в дальнейшем Временное правительство, создавшее предпосылки для распада государства и будущей гражданской войны. Парадокс, в котором признавался Н. И. Кареев позднее, заключался в том, что, будучи депутатом Государственной Думы, он не имел четкой и продуманной программы по национальному вопросу – одному из важнейших для России того времени [25, с. 25].

Речь Н. И. Кареева в Думе охотно цитировала либеральная пресса, пожалуй, лишь только М. О. Меньшиков в одном из «Писем к русской нации» высказался негативно о предложении Кареева. «Наши кастрированные в национальном чувстве кадеты, – писал он, – под внушени-

---

³ Идея самоопределения наций уходит корнями в эпоху Просвещения, когда общественная мысль пришла к отрицанию абсолютизма, взамен которого она выдвинула идею «суверенитет народа», опирающуюся на теорию «естественного права». Источник суверенитета видели в нации. Таким образом, были сформулированы основы для потенциального самоопределения любого народа. Идею народного суверенитета стали понимать как право людей самим решать, под властью какого государства они хотели бы жить. Отсюда вытекала идея объединения территорий, население которых говорит на одном языке, что способствовало возникновению ирредентизма. Ставшая привычной формула «самоопределение наций» впервые была введена в оборот на Берлинском конгрессе 1878 г., когда решалась судьба земель, входивших в состав проигравшей войну Турции. Вскоре эта идея заняла место в программах социалистических и либеральных течений. А в 1896 г. на Лондонском Конгрессе II Интернационала «право наций на самоопределение» вошло в программные документы европейской социал-демократии.

ем разлагающей пропаганды евреев, не имеющих отечества, порешили на том, что все племена в России полноправны и каждая, хотя бы задохшая ветка какой-нибудь расы имеет право на “национальное самоопределение”. На этом основании первый кадет от Петербурга в первой Думе, профессор Кареев, предложил даже отменить название “русское государство...” [26, с. 54]. М. О. Меньшиков выступил с позиции, которая среди образованной и пишущей части общества поддержкой почти не пользовалась. В общественном мнении России акцент на национальном русском начале, как правило, представлялся, да и теперь представляется явлением ретроградным, если не реакционным. Виной тому – трагическая aberrация общественного сознания, когда комплекс идей, связанных с утверждением и отстаиванием отеческих приоритетов, имел почти одни негативные политические коннотации⁴. Истоки искаженного понимания национальной идеи следует искать в сознании русской и прежде всего либеральной интеллигенции, в ее идейной ориентации на Запад. Эта часть русской интеллигенции всегда познавала мир через систему понятий и ценностей, пришедших с Запада. По меткому выражению социолога А. Кустарева, это есть способ самоидентификации «челяди через барина». Негативное и предвзятое отношение к национальной идее не позволило сформироваться в России так называемому банальному национализму, который выражается в априорной уверенности в правоте своей страны, презумпции превосходства национальных интересов и национальной гордости [30, с. 416].

Политический либерализм Н. И. Кареева покоился на ряде положений, которые пользуются популярностью и по сей день. Прежде всего, это негативное отношение к России, ее культуре и традициям, из чего вытекал тезис о хронической отсталости политических форм России от «передовой» Европы. Как специалист по истории Нового времени, наиболее соответствующей этой эпохе формой государства он считал конституционное государство, в котором имеются представительная демократия и политические свободы. Образцом этих принципов он считал Англию [31, с. 348]. Как историк либерального направления, Кареев придерживался позиции, согласно которой наиболее подходящей для России формой государства является конституционная монархия, которую он рассматривал как переходный этап «к демократической парламентской

⁴ Сущность национализма видели «в таком переразвитии национальных чувств, при котором люди, целые группы людей, часто очень многочисленные, начинают переоценивать свою национальность, иногда и свою нацию, и считают поэтому совершенно справедливым всяческие для нее преимущества сравнительно с другими национальностями и другими нациями» [27, с. 713]. Современная наука исходит из более объективного определения: национализм – идеология и вытекающая из нее практика, в которой высшей ценностью является нация как суверенная культурно-политическая общность [28, с. 208]. Известные специалисты по теории и истории национализма полагают, что в центре национализма как идеологии находится нация, которая выступает источником суверенитета, объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти [29, с. 9].

республике» [32, с. 354]. Не учитывая степени готовности общества к демократии западного образца, он был уверен, что в России следует ввести всеобщее, равное и прямое избирательное право [33, с. 355].

В отличие от науки успехи Н. И. Кареева в политике оставались более чем скромными, поэтому он достаточно быстро разочаровался в политической деятельности, в которой ему не хватало главного, что движет людьми в политике, – политической воли. Занятия наукой ему подходили гораздо больше, и наука, в которой его талант был неоспорим, оставалась его главной страстью. В ней он был, как сказали бы немцы, «in seinem Element». За исключительные достижения на научном поприще в 1910 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Кареев с восторгом встретил Февральскую революцию и лишь в дальнейшем осознал, что дни хаоса, порожденные событиями в Петрограде, не являются той свободой, о необходимости которой столь долго говорили либералы. Известно, что в 1917 г. он стал сторонником парламентской республики и активно защищал, пока это было возможно, идею Учредительного собрания [32, с. 357]. Вскоре после прихода к власти большевиков Н. И. Кареев вместе с семьей уехал в Смоленскую губернию в сельцо Аносово рядом с Муравишниками, где жил, спасаясь от голода, до середины 1920 г., когда ему разрешили возобновить работу в университете. Однако вскоре он был отстранен от чтения курсов, а с 1924 г. новые власти перестали печатать его работы. В 1929 г. Н. И. Кареев был избран почетным академиком АН СССР, и тут же его коснулось так называемое «академическое дело», целью которого было утверждение марксистских взглядов в исторической науке. «Для историка, – как отмечает исследователь, – это “дело” обернулось начавшейся кампанией политической проработки, вылившейся в конце концов в кампанию травли» [3, с. 200]. Возможно, что незаслуженные обвинения ускорили кончину ученого. Вскоре после этих событий, 18 февраля 1931 г., Н. И. Кареев скоропостижно скончался.

По своей политической позиции Н. И. Кареев – фрондирующий вольтерьянец. Его взгляды были типичными для конца XIX в., о чем, например, можно судить по ранней пьесе А. П. Чехова «Платонов», герои которой искренне считают себя приверженцами прогресса. Воззрения Н. И. Кареева напоминают взгляды одного из действующих лиц Сергея Войнищева (Сержа), блестяще сыгранного Ю. Г. Богатыревым в кинофильме «Неоконченная пьеса для механического пианино». Ученый, досконально знавший европейскую, в первую очередь французскую историю, Н. И. Кареев был далек от понимания русской жизни, пытаясь применить к ней либеральные мерки, которые ей были глубоко чужды.

Если исторические сочинения Кареева изучены достаточно глубоко, то его труды по социально-этической проблематике остаются вне поля зрения исследователей. Сложилась парадоксальная ситуация, когда историки недооценивают эти работы, представляя их всего лишь как назидательный разговор умудренного жизнью ученого с молодежью, а социологи

и философы почти не уделяют им внимания, рассматривая их как случайное отклонение от исторических штудий и историософских взглядов [34, с. 28] (Исключение составляет диссертация И. Е. Лысковой [35]).

На самом деле они чрезвычайно значимы для понимания всей системы воззрений Н. И. Кареева, так как являются органичным основанием его либеральных взглядов и идей в сфере этики. Работы эти появились не случайно. Рубеж веков в России был временем тревожным, породившим не только социальную смуту, но и смятение в сердцах и умах миллионов людей. Важнейшей причиной подобного состояния была утрата веры в Бога наиболее образованной частью общества и усиление язычества. Забвение идеи Бога действительно приводит к отсутствию этических идеалов – в отличие от христианства секулярная этика не выдвигает нравственного идеала, предлагая рассматривать посюстороннюю жизнь как высшую ценность. Н. И. Кареев фиксировал разрушение нравственных ценностей, но им двигало не стремление вернуть молодежь к Богу. Как раз наоборот. Он принадлежал к той части образованных людей, которые обращались чаще к разуму, чем к вере, в которой они не видели нужды, полагая, что прогресс есть движение по пути разума, и что в понимании исторического процесса «без формулы прогресса обойтись невозможно» [36, с. 21]. В отличие от Гегеля Н. И. Кареев считал, что разум в человеческой истории отсутствует. Но если в истории нет разума, то остается апеллировать к разуму отдельного человека, способного выносить ценностные суждения. Эта идея лежит в основе всех четырех работ русского историка: «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» (1894), «Беседы о выработке миросозерцания» (1895), «Мысли об основах нравственности» (1895) и «Мысли о сущности общественной деятельности» (1895). Все они так или иначе претендовали на решение ряда фундаментальных теоретических и нравственных проблем.

Ключевым понятием как историологии, так и этики Н. И. Кареева было понятие «прогресс». Он считал, что «идея прогресса берется в смысле движения вперед, приносящего с собой улучшение человеческой жизни» [37, с. 281], поэтому прогрессом он называл «улучшение, совершенствование» [24, с. 204]. Содержание прогресса Н. И. Кареев видел в лучшем удовлетворении потребностей человека, а также в уяснении смысла жизни [38, с. 103]. «Возрастающее удовлетворение потребностей происходит в результате увеличения власти человека над природой через развитие техники, а уяснение смысла жизни обеспечивается умственным прогрессом» [24, с. 206–208]. Таким образом, прогресс выражает «стремление человека к улучшению своего состояния» [38, с. 112]. Как уже отмечалось выше, понятие прогресса пришло в русскую мысль вместе с позитивизмом. Такие понятия, как «прогресс», «прогрессивные взгляды», «прогрессивные идеаль» и им подобные, на грани веков «стали общеупотребительными, обязательными для всякого, считающего себя интеллигентом» [39, с. 24]. Они получили распространение в науке и публицистике, прежде всего в либеральных изданиях, проникли в художественную литературу.

Н. И. Кареев исходил из того, что прогресс есть продолжение эволюции природы, но отличается от последней тем, что эволюция совершается сама собой, в то время как в истории всё зависит от людей, от разумности их действий и совершается на основе воли человека. Это значит, что существует качественное отличие прогресса от эволюции природы. Положительная сторона эволюционизма заключается в том, что он связывает «мир истории с миром природы» [37, с. 295]. Поэтому прогресс он понимал как развитие физического мира «без каких бы то ни было идеалистических предпосылок» [24, с. 204]. Придерживаясь «теории факторов», развитие общества Н. И. Кареев предпочитал объяснять законами биологии. Он отождествлял «биологические явления среди мертвой природы» с психическими явлениями «в мире органической жизни» [25, с. 10]. Поэтому, по его мнению, общество развивается на основе законов природы, т. е. «в жизни общества продолжают действовать те же биологические законы, которые были установлены Дарвином для всей органической природы...» [там же, с. 77].

Н. И. Кареев был убежден, что понимание истории на основе идеи прогресса предполагает «единственно верный путь», следуя которому можно достичь «единственное состояние, которое удовлетворило бы всех людей» [38, с. 112]. Формула прогресса, которая, как надеялся Н. И. Кареев, даст «идеальную мерку для оценки хода истории», по сути дела воспроизводила идеи просветителей, чье понимание прогресса заключалось в переходе от менее совершенного к более совершенному [там же, с. 106].

Вспоминая прошлое, Н. И. Кареев писал: «Я считал себя всегда человеком прогрессивных устремлений и искал знакомств среди либералов, радикалов и революционеров...» [4, с. 301]. Некоторые из современных исследователей, воспринимая воспоминания историка буквально, распространяют на его взгляды «общее правило», согласно которому в России со свободолобивыми взглядами жить почти невозможно. Так, Л. П. Лаптева пишет, что «талантливым людям с прогрессивными взглядами и независимым мировоззрением почти всегда жилось в России неуютно» [40, с. 88]. Но вот о Н. И. Карееве ничего подобного сказать нельзя. Темы своих исследований он выбирал сам, ведущие журналы были рады принять его статьи, книги его продавались, что приносило стабильный доход, цензура была благосклонной к его сочинениям. Однако по отношению к государству, которое его содержало, Н. И. Кареев был настроен в целом весьма негативно. Так, в речи, произнесенной 19 февраля на заседании Союза взаимопомощи русских писателей по случаю празднования сорокалетия отмены крепостного права в России, он говорил, что «русская действительность так мрачна, так отвратительна, что праздновать 19 февраля было бы нелепо» [1, с. 138]. Наверное, поэтому его иногда стремятся представить как борца сначала с царским, а затем с советским режимом, что, конечно, не соответствует действительности. Н. И. Кареев был типичным дворянским интеллигентом, видевшим в Европе почти недостижимый образец и не желавшим понимать метафизику русской жизни.

Основным инструментом для понимания жизни в целом Кареев считал разум, который определяет цель жизни. Содержанием жизни, как считал Кареев, является действие, что, в свою очередь, предполагает наличие цели. В отличие от веры, разум способствует распространению истин, в то время как вера помогает утверждаться заблуждениям и суевериям [41, с. 72–73, 86]. Достижение цели жизни зависит «только от самого человека» [23, с. 53]. Разумно выбранная «цель может представлять из себя только какое-либо благо» [там же, с. 28–29], а достижение блага он рассматривал как основное условие существования жизни. «Я не могу себе представить большего блага как всеобщее благополучие», – писал он [там же, с. 34].

Решение вопроса о ценности жизни в ту или иную сторону предполагает поиск ответа на вопрос: что есть жизнь – благо или зло? Кроме того, поиск ответа на вопрос о ценности жизни предполагает получение хотя бы предварительного ответа на вопрос о цели и смысле жизни. Учитывая, что к концу XIX в. философская этика накопила значительный объем знаний, так или иначе содержащих различные варианты ответов, не могут не удивлять ограниченность подхода Н. И. Кареева, его не критическая сосредоточенность на одной позиции.

В решении вопроса о ценности жизни позиция Н. И. Кареева опиралась на оптимизм, «который не может быть опровергнут ни фактами, ни логикой» [там же, с. 29]. Оптимизм он рассматривал как продолжение позитивизма и опровержение пессимизма. Н. И. Кареев считал, что существует так называемый «врожденный оптимизм», свойственный человеку изначально (который немцы в XIX в. называли «Optimismus ohne Grund»). Основным доводом при этом служила известная еще со времени А. Шопенгауэра идея, согласно которой, если бы сумма страданий превышала сумму наслаждений, мир вообще не мог бы существовать. «Природа совершает более полезных, чем вредных действий, и потому, – писал Н. И. Кареев, – она более наслаждается, чем страдает» [там же, с. 25]. Причины пессимизма, которые он называл «психической болезнью нашего времени», как ему казалось, порождаются «отсутствием этических идеалов, слабостью веры в жизнь и в истину» [18, с. 151]. Поэтому объективных оснований для пессимизма, как считал Н. И. Кареев, не наблюдается, кроме «слабости человеческого духа и болезненного настроения» [23, с. 26]. Лекарством от пессимизма, как полагал Кареев, является вера в прогресс. Эту мысль безоговорочно поддерживают современные исследователи творчества Н. И. Кареева, для которых он и по сей день остается непререкаемым авторитетом. Так В. В. Козловский и И. Д. Осипов наивно утверждают, что идея прогресса противодействует развитию пессимизма и способствует развитию общества, «несмотря на все социальные катаклизмы» [6, с. 92].

Н. И. Кареев исходил из того, что ценность жизни определяется ее целью, и утверждал, что бессмысленно говорить о цели общества, так как это понятие заимствовано из сферы метафизики. Поэтому следует скорее вести разговор о цели жизни отдельного человека. В таком случае

цель жизни должна быть имманентной, т. е. она должна присутствовать в нашем мире и быть достижимой. Он заключал, что «цель *моей* жизни есть *мое* состояние, именно состояние *моего* сознания, которое *мне* дает удовлетворение» [23, с. 53]. По его мнению, таковой целью является добро, или же благо, так как жизнь сама по себе есть благо, будучи основана на удовлетворении физических потребностей, сопровождающихся наслаждениями [там же, с. 10]. Поэтому цель жизни он понимал вполне утилитарно, например, как овладение профессией. Н. И. Кареев отверг позицию, согласно которой цель жизни существует вне мира вещей. Ему казалось, что подобная позиция превращает жизнь человека в средство для неведомой трансцендентной цели [там же, с. 147], а человек и его жизнь станут орудиями для «посторонних им целей» [там же, с. 15]. Ориентация на мир вещей приводила к логическому выводу, что целью жизни является получение удовольствий, а стремление к ним есть ни что иное как категорический императив, только лишенный этического наслаждения [там же, с. 90].

Размышляя о ценности жизни, Н. И. Кареев писал: «Жить стоит, ибо у жизни есть разумная цель, цель же эта состоит в осуществлении блага, которым может быть не что иное как только “возможно наибольшее счастье возможно наибольшего числа людей”» [там же, с. 33]. Из первой вытекала вторая идея: «Жить стоит, раз цель можно найти, раз ты веришь в благо и веришь, что это благо достижимо» [там же, с. 32]. Приравнивая благо к счастью, Н. И. Кареев утверждал, что, только стремясь к собственному счастью, человек делает шаг по направлению ко всеобщему счастью [там же, с. 36]. Рассматривая вопрос о способах приближения к счастью, Н. И. Кареев считал, что удовлетворенность жизнью дает осознание состояния счастья, следовательно, ценность жизни заключалась в том, чтобы достичь некоторого «наивысшего» состояния своего сознания. В таком случае ценность жизни заключается не столько в изменении реальности, сколько в изменении сознания, что и дает искомое чувство удовлетворения. Отсюда вытекало, что идея блага как высшей цели, придающей жизни ценность, включает в себя приятное и полезное и выражается в стремлении к счастью, которое есть результат внутреннего психического развития, не зависящего от внешних обстоятельств [там же, с. 99]. Под счастьем, которое историк трактовал как высшее благо, он понимал «наибольшее по возможности удовлетворение всех нормальных потребностей и развитие всех нормальных способностей личности» [там же, с. 149]. Однако перед тем как принять эту позицию, следует ответить на вопрос, что следует считать нормой? Итак, высшее благо он понимал как счастье, а последнее приравнивал к благополучию, которое он трактовал, в соответствии с формулой И. Бентама, как наибольшее благо наибольшего числа людей [41, с. 49].

Несложно отыскать источник, откуда Н. И. Кареев во многом позаимствовал свои идеи относительно ценности и жизни, придав им либеральный оттенок. Это – известная уже несколько веков «Утопия» Т. Мора. Следуя традиции гедонизма, великий утопист считал, что счастье заклю-

чается в удовольствии, но не всяком, а благородном, т. е. в таком, которое распространяется на максимальное число людей [42, с. 100]. Наслаждение он рассматривал как конечную цель всех наших действий, а добродетель определял как жизнь, согласную с предписаниями природы. Это означало, что следует следовать тому влечению природы, «которое повинуется разуму в решении вопроса, к чему надо стремиться и чего избегать» [там же].

В целом его подход определяется тем, что гедонизм (как в чувственном, так и духовном смыслах) возникает в том случае, когда человек и окружающая его действительность рассматриваются как мир феноменов. В таком случае оказывается, что наивысшей ценностью обладает только наличное бытие. В соответствии с этой посылкой, Н. И. Кареев писал, что «человеческая жизнь имеет абсолютную ценность», и на этом основании предлагал отменить смертную казнь. Предельную ценность человеческой жизни придает само существование человека, основанное на заповеди «не убий» [23, с. 141–142]. Нечто подобное можно найти в «Утопии» Т. Мора, по мысли которого, смертную казнь при наказаниях следовало бы заменить рабством. Одновременно это же служило для обоснования введения эвтаназии как состояния, не совместимого с получением наслаждений [42, с. 111].

На ценность жизни, как считал Н. И. Кареев, оказывает влияние нравственный, или, как он его называл, общественный идеал. Какова его природа? Историк полагал, что человек сам творит идеал на основе разума в силу умственной и нравственной обязанности. Он сетовал, что идеал несовершенен в силу несовершенства самого человека, из чего вытекало, что сам идеал нуждается в совершенствовании. Идеал создается наукой путем разработки этических и рациональных принципов о том, что удобно и что полезно. Нравственным основанием идеала должна стать идея личного достоинства и всеобщего счастья. Создание и формирование нравственного идеала должны быть непрерывны, потому как идеал столь же изменчив, как и научная истина [41, с. 87–88]. Так как Н. И. Кареев был сторонником автономной этики, он искренне полагал, что она, подобно науке, вырабатывается на основе разума. В автономной этике он усматривал смысл нравственного развития человека, который обязан совершить переход от нравственного закона, «предписываемого нам извне, другими, к закону, налагаемому на себя нами самими» [23, с. 120]. По его мнению, долг имеет не метафизическое, а лишь психологическое и логическое основание [там же, с. 101]. То есть долг субъективен и не связан с не зависимыми от человека началами.

Работы историка были встречены критиками неоднозначно. Наряду с краткой и вполне положительной аннотацией [43], в свет вышло несколько обширных рецензий, одна из которых принадлежала перу либерального народника Николая Михайловского. Он считал, что книги Н. И. Кареева появились очень своевременно, так как общий духовный уровень молодежи «понижился сравнительно с не очень давним временем» [44, с. 77]. Однако работы эти, по мнению Н. Михайловского, обла-

дают рядом недостатков. Прежде всего, они «малооригинальны» [там же, с. 89]. Несомненно, доля истины в этом утверждении имеется. Достаточно часто историк прибегал к трюизмам, отстаивал никем не оспариваемые положения, а банальные истины преподносил как последнее слово науки. Так, он неоднократно повторял, что изучение истории имеет первостепенное воспитательное значение, что было неплохо известно со времен Плутарха. Кроме того, Михайловский отметил, что нравственные сочинения Кареева страдают, как он выражался, «многословной обстоятельностью» [там же, с. 82].

В рецензии Михайловского имелся более существенный упрек, связанный с пониманием прогресса. Идею общественного прогресса Н. И. Кареев основывал на идее эволюции, почерпнутой из естествознания. Михайловский же полагал, что эволюционная теория неприменима к обществу, потому что эволюция предполагает движение к некоему совершенству, а мерило совершенства, по его мнению, берут со стороны и «прикладывают» к эволюционной лестнице [там же, с. 94–95]. Если же применить идею прогресса к обществу, то окажется, что его критерием станет некий желательный идеал, не имеющий отношения к реальности. Именно идеал, по мысли Михайловского, решает, «представляет ли поступательный ход причинно-следственных событий вместе с тем и прогресс» [там же, с. 96]. Н. Михайловский подметил слабую сторону позитивистской теории прогресса, которая предусматривала достижение метафизической цели, отвергая при этом метафизические основания. Этот недостаток был общим как для позитивистов, так и для марксистов, опиравшихся на физический мир и не признававших метафизической реальности.

Другой рецензент русский публицист и историк Борис Глинский в числе недостатков также отмечал многословие и резонерство, а стиль изложения напомнил ему «заказную проповедь немецкого пастора в церкви при похоронах» [33, с. 950]. Тот же недостаток выделил А. И. Введенский, когда писал, что работы Н. И. Кареева «написаны замутненным, туманным, тяжелым и витиеватым стилем» [45, с. 143], а Б. Глинский отметил, что работы Н. И. Кареева произвели на молодежь «холодное впечатление». Третий рецензент А. Волынский в разделе «Критика» «Северного вестника» обратил внимание на то, что Кареев пытался соединить несоединимое – «он решил набросать программу новой, более широкой системы», которая «сочетала бы требования положительной науки с идеалистическими запросами души» [46, с. 53]. Сам Кареев считал иначе и вспоминал о своей книге «Письма к учащейся молодежи о самообразовании»: «Первое ее издание было расхвачано в несколько недель, так что потребовались новые и новые издания, и в течение нескольких лет их вышло десять» [4, с. 191–192].

Общий недостаток работ историка заключался в том, что он решил поговорить с молодежью академическим языком, что лишало разговор простоты и сердечности и придавало слогу ненужную возвышенность. В нем не было той искры Божией, которая способна привести душу в

волнение; апелляция к разуму не создавала доверительной атмосферы, которая должна сопутствовать искреннему диалогу с теми, кто молод. В книгах Кареева можно найти избыток академизма, делающий изложение просто скучным. Историк, к сожалению, не сумел взять верный тон, и тогда сухой академизм, имеющий цель поддержать определенный уровень научности, превратился в высокопарную схоластику.

Наиболее глубокая и обоснованная критика этических сочинений Н. И. Кареева была дана известным богословом Алексеем Ивановичем Введенским (1861–1912). Он исходил из того, что Н. И. Кареев выражает типичную точку зрения образованного слоя людей, который с легкой руки русского писателя П. Боборыкина стали называть интеллигенцией. «Наша интеллигенция, – писал А. И. Введенский, – еще раз обнаружила на этом вопросе свою беспринципность, полную спутанность и шаткость своих понятий и точек зрения, свое обычное увлечение западными веяниями и раболепство пред “последними словами” науки» [45, с. 141]. Книги Н. И. Кареева А. И. Введенский рассматривал как образец мышления тогдашней интеллигенции. (Мимоходом замечу, что подобные образцы можно встретить и по сей день, но как и в прошлом, они выдаются за образец научности.) А. И. Введенский в обширной рецензии писал, что через все работы Н. И. Кареева «проходит уживчивый и покладистый эклектизм, благодаря которому уживаются друг с другом самые разнообразные течения мысли, самые разнохарактерные и взаимопротиворечивые принципы» [там же, с. 143]. А. И. Введенский акцентировал внутреннюю противоречивость идей Н.И. Кареева, которая заключалась в том, что историк безуспешно пытался наложить идеи либерализма на христианские заповеди. Другая слабость аппозиции Н.И. Кареева заключалась в том, что он, рассматривая этическую сторону жизни, вынужден был утверждать наличие незыблемых истин, без которых человек не живет. В то же время он утверждал, что этика также эволюционирует, что подразумевало отсутствие вечных нравственных истин [там же, с. 150].

А. И. Введенский точно определил позицию Н. И. Кареева как язычество, которое выражалось в том, что он низводил Бога и возвеличивал человека как меру всех вещей. Действительно, исходной позицией Н. И. Кареева в понимании человека был гуманизм – языческая идея, приравнивавшая человека к Богу и нацеленная на высвобождение индивида из-под разного рода социальных зависимостей, объявлявшая его мерой всех вещей и в то же время обрекавшая его на предпочтение своих интересов всему остальному миру. «Самую главную проблему мирозерцания, – писал Н. И. Кареев, – представляет собой человек и мир человеческих отношений, личность и общество» [18, с. 60]. Акцент на человеке как центре мироздания означал, что Н. И. Кареев утверждал антропоцентризм в качестве руководящего принципа понимания мира. «Высший интерес, – писал он о человеке, – представляет он сам, но не в эгоистическом только смысле своего индивидуального Я, а в общем смысле человеческой личности» [там же, с. 54.]. В этом высказывании пред-

ставляет интерес оговорка, имеющая целью показать отсутствие эгоизма у автономного и разумного индивида. Н. И. Кареев предлагал гуманизм без эгоизма, весьма наивно предполагая, что разум способен победить эгоизм. Комментируя позицию историка, А. И. Введенский заметил, что «формула» человека без эгоизма «слишком ослабляет, если только не парализует волю, голос долга и нравственного закона» [45, с. 157]. А смысл ее освобождает человека от всех ограничений совести.

Слабость позиции Н. И. Кареева А. И. Введенский усматривал в том, что историк обошел стороной вопрос о христианстве. Говоря о выработке мирозерцания, он так и не решился сравнить позиции христианства и позитивизма, хотя элементарные правила научного исследования предписывают исследователю сопоставление своих идей с другими. Н. И. Кареев не стал задавать вопрос, почему именно «критическая философия» должна стать единственным основанием взгляда на мир? Он не принимал Православия, основанием чего являлось отрицание метафизической реальности; историк неоднократно подчеркивал, что позитивизм «настойчиво вооружается против всякой метафизики в деле изучения мира человеческого, в особенности изучения общества» [25, с. 8]. В то же время он утверждал, что без метафизики «не может обойтись ни одно выработанное мировоззрение» [18, с. 55.]. Вместе с тем Н. И. Кареев полагал, что абсолют может стать целью жизни, т. е. приобрести наивысшую ценность, но это может произойти лишь только в том случае, если он будет обоснован при помощи разума, что было близко к позиции протестантизма [23, с. 15]. Н. И. Кареев считал, что «религиозные заповеди... суть лишь объективированные стремления самих людей» [там же, с. 7]. Это значит, что в понимании идеи Бога он не продвинулся дальше концепции Л. Фейербаха. Кроме того, историк полагал, что признание существования Бога означает установление принципа тотальной детерминации событий, что не оставляет места свободе воли. Возражая ему, А. И. Введенский отмечал, что защищая свободы, Н. И. Кареев впадает в глубокое противоречие, заключавшееся в том, что он отстаивал внешнюю свободу и не признавал внутренней свободы, которая является свободой самоопределения человека [45, с. 152].

Подводя итоги, следует признать, что позиция Н. И. Кареева в вопросе о ценности жизни фиксировала тот мировоззренческий тупик, к которому приблизилась позитивистская и либеральная мысль, что в начале прошлого века осознавали немногие. В концептуальном плане для Н. И. Кареева деятельность человека фокусировалась исключительно на мире объектов. Отвернувшись от европейской христианской традиции, он признавал физический мир более значимым по сравнению с метафизическим – позиция, которая никак не вписывается в русскую культуру, всегда утверждающую метафизические основания жизни человека.

Теоретические взгляды Н. И. Кареева эклектичны и не представляют органического целого, что косвенно вынуждены признать его современные защитники: «Парадигмы социальной философии Н. И. Кареева полностью соответствовали философским и ценностным основаниям рус-

ского либерализма, таким как универсализм, стремление к осуществлению синтеза власти и свободы, сочетанию свободы личности и равенства, реализации принципа социальной справедливости и защиты частной собственности» [6, с. 95]. В приведенной цитате в рамках либерального дискурса перечислены взаимоисключающие противоположности, попытки соединить которые предпринимались уже несколько веков. Идеи русского историка есть пример банального позитивизма, который был притягателен упрощением мира и человека, сведением многосложной жизни к элементарным действиям, совпадающим с инстинктивными побуждениями человека. «По воззрениям г. Кареева, – писал А. Вольнский, – реалистическая наука, соединенная с беспочвенными практическими идеалами, и образует цельное понимание мира и жизни» [46, с. 59].

Можно полагать, что эклектику воззрений Н. И. Кареева предопределяли его исходные философские позиции, которые не сводятся только к позитивизму. Анализ философских оснований взглядов историка позволяет утверждать, что он находился под влиянием теософских идей, получивших распространение в России, – это выражалось в приверженности основному принципу пантеизма. Рассматривая мир, Н. И. Кареев пришел к выводу, что «материя и дух суть лишь различные явления одной и той же недоступной познанию нашему сущности» [25, с. 18]. Свою философскую позицию он называл «трансцендентальный монизм, признающий в духе и материи лишь два разных проявления одной и той же непознаваемой сущности» [18, с. 55].

Влияние теософских идей на взгляды Н. И. Кареева проявилось в том, что фактически он пытался соединить позитивизм и теософию. Позитивизм в синтезе с теософией мог быть только основанием для имманентного подхода в понимании ценности жизни, сужавшего горизонт мира человека до наличного бытия и не позволявшего увидеть более глубокие метафизические смыслы. Насколько глубоки и интересны остающиеся по сей день образцом высокой историографии исторические исследования Н. И. Кареева, настолько наивны и поверхностны его политические и социально-этические взгляды, повторявшие не самые глубокие идеи европейского позитивизма. Как отмечал А. И. Введенский, «миросозерцание проф. Кареева... не может быть признано состоятельным и удовлетворяющим основным запросам нашего духа» [45, с. 161].

Можно ли считать идеи Н. И. Кареева вкладом в философию? Вряд ли. Они слишком банальны, что отмечала в свое время критика. Однако они интересны для нас, поскольку демонстрируют читающей публике, что стремление найти положительное решение вопроса о ценности жизни в рамках позитивизма приводит в мировоззренческий тупик, выход из которого неочевиден. Н. И. Кареев перенял ту парадигму позитивизма, что была выработана его европейскими собратьями, парадигму, включавшую в себя гносеологический оптимизм и веру в науку, теорию факторов, понимание общества как организма и безоговорочное признание прогресса.

Как позитивист, Н. И. Кареев влиял на формирование мировоззрения либеральной интеллигенции, специфического слоя людей, который стремился утвердить свое социальное бытие на основе ориентации исключительно на земные радости и видел ценность жизни исключительно в мире физическом. Отрицание метафизических начал, получившее философское обоснование в позитивизме, имело далеко идущие следствия. Эти идеи исподволь формировали гедонистическую цивилизацию, утвердившуюся к концу истекшего века в сознании миллиардов людей.

Литература

1. *Золотарев В. Н.* Николай Иванович Кареев (1850–1931) / В. Н. Золотарев // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4. – С. 128–155.
2. *Золотарев В. П.* Историческая концепция Н. И. Кареева / В. П. Золотарев ; Сыктывкар. гос. ун-т им. 50-летия СССР. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
3. *Погодин Н. С.* «Русская школа» историков : Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский / С. Н. Погодин ; С.-Петерб. гос. техн. ун-т. – СПб., 1997. – 377 с.
4. *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 382 с.
5. *Толстой Л. Н.* Великий грех / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. – Художественная литература. – Т. 36. – М.–Л., 1936. – С. 206–230.
6. *Козловский В. В.* Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева / В. В. Козловский, И. Д. Осипов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III, № 4. – С. 86–98.
7. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 573 с.
8. *Сергеев С.* «Польский вопрос» в русской националистической мысли XIX – нач. XX в. : попытки «позитивного» решения / С. Сергеев. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22377.htm>
9. *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетейя, 2000. – 267 с.
10. *Кареев Н. И.* Польские письма / Н. И. Кареев // Русская мысль. – 1885. – № 2. – С. 31–44.
11. *Кареев Н. И.* Нечто о русско-польском вопросе в нашей журналистике / Н. И. Кареев // Русская мысль. – 1881. – № 3. – С. 326–340.
12. *Кареев Н. И.* Польские письма / Н. И. Кареев // Русская мысль. – 1881. – № 5. – С. 50–65.
13. *Кареев Н. И.* Польские письма / Н. И. Кареев // Русская мысль. – 1882. – № 7. – С. 41–52.
14. *Кручковский Т. Т.* Интерпретация польского вопроса в России Н. И. Кареевым в «Польских письмах» / Т. Т. Кручковский // Белорусская политология : многообразие в единстве. – Ч. 1. – Гродно : Гродненский гос. ун-т им. Я. Купал, 2012. – С. 288–291.
15. *Кареев Н. И.* Идея прогресса в ее историческом развитии / Н. И. Кареев // Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. – С. 261–299.

16. *Кареев Н. И.* Общие основы социологии / Н. И. Кареев. – Пг. : Наука и школа, 1919. – 209 с.
17. *Кареев Н. И.* О духе русской науки / Н. И. Кареев // Русская идея. – М., 1992. – С. 171–184.
18. *Кареев Н. И.* Письма к учащейся молодежи о самообразовании / Н. Кареев. – 3-е изд. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. – 164 с.
19. *Осипов И. Д.* Философия русского либерализма / И. Д. Осипов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 191 с.
20. *Сафронов Б. Г.* Н. И. Кареев о структуре исторического знания / Б. Г. Сафронов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 271 с.
21. *Филимонов В. А.* Н. И. Кареев : античность сквозь призму политики // Диалог со временем. – Вып. 20. – М., 2007. – С. 337–352.
22. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. – СПб. : Гос. тип., 1906. Т. 1. – 866 с.
23. *Кареев Н. И.* Мысли об основах нравственности / Н. И. Кареев. – 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. – 165 с.
24. *Кареев Н. И.* Историология (теория исторического процесса) / Н. И. Кареев // Российская социология. Социология истории Николая Кареева. – Вып. 2. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – С. 13–218.
25. *Кареев Н. И.* Беседы о выработке миросозерцания / Н. И. Кареев. – 5-е изд. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1904. – 168 с.
26. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. – М. : Журнал «Москва», 2005. – 555 с.
27. Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. – СПб. : Просвещение, 1900–1907. – Т. 13. – С. 713–718.
28. *Сергеев С.* Заметки о национальном / С. Сергеев // Логос. – 2007. – № 1(58). – С. 203–209.
29. *Соловей Т.* Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма / Т. Соловей, В. Соловей. – М. : Феория, 2009. – 434 с.
30. *Соловей В. Д.* Кровь и почва русской истории / В. Д. Соловей. – М. : Рус. Мирь, 2008. – 473 с.
31. *Гнатюк О. Л.* Н. И. Кареев как политический мыслитель / О. Л. Гнатюк // Российская социология. Социология истории Николая Кареева. – Вып. 2. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – С. 339–352.
32. *Климин И. И.* Н. И. Кареев о российском парламентаризме / И. И. Климин // Российская социология. Социология истории Николая Кареева. – Вып. 2. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – С. 353–358.
33. *Глинский Б. Б.* Молодежь и ее руководители / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1895. – Т. 62. – С. 931–960.
34. *Дунаевский В. А.* «Прожитое и пережитое» : о жизни и творчестве академика Н. И. Кареева / В. А. Дунаевский // Новая и новейшая история. – 1991. – № 6. – С. 24–35.
35. *Лыскова И. Е.* Научно-педагогическая деятельность Н. И. Кареева : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Е. Лыскова. – Сыктывкар, 2001.
36. *Кареев Н. И.* Суд над историей / Н. И. Кареев // Русская мысль. – 1884. – № 2. – С. 1–30.
37. *Кареев Н. И.* Идея прогресса в ее историческом развитии / Н. И. Кареев // Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. – С. 261–299.

38. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса / Н. И. Кареев // Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. – С. 63–113.
39. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. – Гродно : Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы, 2003. – 350 с.
40. Лаптева Л. П. Русский историк Н. И. Кареев (1850–1931) и его взаимоотношения с политическими режимами России / Л. П. Лаптева // Проблемы славяноведения : сб. науч. статей и материалов. – Вып. 2. – Брянск : Изд-во БГПУ, 2000. – С. 88–95.
41. Кареев Н. И. Мысли о сущности общественной деятельности / Н. И. Кареев. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – 173 с.
42. Мор Т. Утопия / Т. Мор // Утопический роман XVI–XVII веков. – М. : Худож. лит., 1971. – С. 41–143.
43. Ардашев П. Н. Н. И. Кареев. «Письма к учащейся молодежи о самообразовании». (Изд. 2-е. СПб., 1895) / П. Н. Ардашев // Исторический вестник. – 1895. – Т. 59. – С. 955–956.
44. Михайловский Н. Литература и жизнь / Н. Михайловский // Русское богатство. – 1895. – № 9. – С. 65–98.
45. Введенский А. И. К вопросу «О выработке мирозерцания». Критический анализ брошюр Н. И. Кареева / А. И. Введенский // Богословский вестник. – 1896. – Т. 2, № 4. – С. 141–162.
46. Северный вестник. – 1895. – № 10.

Воронежский государственный университет

Колмаков В. Б., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 252-56-63

Voronezh State University

Kolmakov V. B., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 252-56-63